

АНДРЕЙ КАКСИН (Абакан)

ВЫРАЖЕНИЕ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В СЕВЕРНЫХ ДИАЛЕКТАХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Abstract. The Expression of Evidentiality in Northern Khanty Dialects

The article explicates the vital role of certain verb forms and special lexemes in expressing evidentiality. Such morphological and lexical units bearing a specific epistemic load are indispensable in rendering evidential meanings in many languages. As for Khanty, the phenomenon has been hitherto little studied, which makes the presented examples especially valuable.

Keywords: Khanty language, evidentiality, lexical means, verb, infinite forms.

При выборе того или иного аспекта исследования мы исходим из понимания, что хантыйский язык был неоднократно предметом внимания лингвистов и в определенной степени изучен. Как цельный и особый язык он лучше всего понимается в противопоставлении мансийскому языку, однако сложилось так, что в большинстве лингвистических работ в центре внимания — многочисленные диалекты хантыйского языка. Общеизвестно, что хантыйский язык имеет письменную литературную форму, даже не одну. В нашей работе описывается та литературная форма хантыйского языка, которая представлена в национальной газете «Ханты ясан», она сложилась на базе казымского диалекта. Для сравнения привлекается материал мансийского языка, и не без оснований: эти близкородственные языки имеют много общего в способах выражения модальности и эвиденциальности (Скрибник 1998 : 213—214; Каксин 2010).

В последнее время нами проводится синхронный семантический анализ сферы эвиденциальности в хантыйском языке. Объектом исследования служат эвиденциальные слова и конструкции, в которых выражены различные значения и оттенки эвиденциальности (прямой и косвенной засвидетельствованности). Как известно, эвиденциальные значения в самых разных языках часто выражаются глагольными формами, и соответствующие парадигмы признаются (или не признаются) наклоением или наклоениями (ренарратив, медиатив, адмиратив и др.) (Плунгян 2000 : 321—325; Metslang, Pajusalu 2002; Erelt 2002).

Можно констатировать, что исследователи «видят» специальное эвиденциальное наклонение только в тех языках, где эту семантику

выражают морфологические синтетические формы, и где объединенные подсистемы глагольных временных форм создают парадигму искомого наклонения. Если такая, строгая, морфология отсутствует, принято считать, что эвиденциальная семантика выражается глагольными темпоральными формами, входящими в систему индикатива.

С опорой на эту схему в статье исследуется и категория наклонения хантыйского глагола. Содержание категории эвиденциальности шире понятия наклонения, в поле зрения исследователя попадают и синтаксические конструкции (в том числе с именным сказуемым), и лексические средства (Скрибник, Озонова 2007 : 548—549), т. е. описываются единицы разных уровней языка, в той или иной мере участвующие в выражении значений эвиденциальной сферы. Данная сфера представляет собой систему, в качестве ее составных частей рассматриваются следующие подсистемы:

1. Конструкции, которые традиционно относятся к системе зависимой предикации; выражающими эвиденциальные значения мы считаем конструкции с глаголами речи (говорения), служащие для передачи чужого мнения, указания на источник информации, и конструкции с лексемами типа *nili* 'кажется', *peḷi* 'возможно; что ли', указывающими на неочевидность действия (для говорящего):

Ši kāraš sāṅxum pajn porilati joḥ āktašijl-t-eḷ l u p ḷ a t¹ 'На этом высоком обрыве для проведения обрядов люди собираются, (как) г о в о р я т'; *Sorn χūḷ welti pura juḫti χās-m-aḷ a j t ḍ s i* 'Период вылова рыбы в сорах закончился, (и об этом) п р и ш л о и з в е с т и е'; *Χālewṭ loṅsaṅ χātḷ pit-t-aḷ n i ḷ i* 'Завтра будет снежный день (выпадет снег), к а ж е т с я'; *Šaj anem suḷ pūln pit-um p e ḷ i* 'В мою чашку чая кусочек соли попал, ч т о л и'; *Kaltaṅ ṭiw χulijewa ākum-m-eḷ χ u r a s u p* 'На берегу они все собрались, п о х о ж е' (об этих конструкциях см. также Каксин 1996 : 278—282).

Конструкции этого типа передают различные оттенки значения достоверности / недостоверности, в том числе значение предположения. В их составе выделяются зависимая часть и главное сказуемое. Последнее выражает наличие определенных ощущений, мыслей, представлений у говорящего лица в момент речи. В качестве главного сказуемого в конструкциях со значением достоверности выступают предикативные слова различного рода, наиболее часто следующие:

χurasup 'похоже на' (от *χuras* 'вид, образ, изображение'; ср. *iḫur* 'тень; привидение'): *Jert pittal χurasup = Jerta jital χurasup* 'Похоже на то, что будет дождь'; *Pāḷaṅ eḥumtaḷ χurasup* 'Похоже на то, что грозовая туча поднимается'; *Multi atumn ši ḷawaltew χurasup* 'Похоже на то, что нас (мн.) ожидают какие-то неприятности'; *Mōša jūwmaḷ χurasup* 'Похоже на то, что он заболел'; *Juwra jōš χūwat māntew χurasup* 'Похоже на то, что не по той дороге идем мы (мн.)';

nili 'вроде бы; видно; представляется' (по происхождению форма 3 л. ед. ч. пассива от *ni-* 'виднеться': *Pāḷaṅ jital nili* 'Видно, что гроза приближается (вроде бы)'; *Kaltaṅ ašem loḷtaḷ nili* 'Видно, что на пристани отец стоит (вроде бы)'; *Kaltaṅ ašem loḷmaḷ nili* 'Кажется, что на пристани отец стоял (вроде бы)';

¹ Здесь и далее — примеры из полевых записей автора. В случае печатного источника он указывается.

peḷi 'кажется' (типа 'или это мне кажется'): *Jajn juḡatmaḷ peḷi* '(Мне) кажется, что старший брат-твой приехал'; *Jerta jitaḷ peḷi* '(Мне) кажется, что будет дождь'; *Pālaṅ jitaḷ peḷi* '(Мне) кажется, что идет гроза'.

lampi 'вероятно; есть вероятность (большая)': *Juḡattaḷ lampi* 'Есть большая вероятность, что он придет'; *Jāma jitaḷ lampi* (о погоде) 'Есть большая вероятность, что (погода) улучшится (хорошей станет)'; *Jāma jitaḷ lampi* (о больном человеке или раненом животном) 'Есть большая вероятность, что поправится (хорошим станет)'.

Главное сказуемое, выраженное предикативным словом, является неизменяемым, во временном плане может выражать только настоящее время. При употреблении слов *ḡurasup* 'похоже на то', *nili* 'вроде бы' и *lampi* 'вероятно' выражается более уверенное предположение, чем в случае с *peḷi* 'кажется', которое вносит более сильный оттенок сомнения. В любом случае главное сказуемое, выраженное предикативным словом, обозначает наличие определенных ощущений, мыслей, представлений, формируемых в виде предположения, некоторой возможности, у говорящего в момент речи.

2. Формы неочевидного наклонения; по сути в системе зависимой предикации они являются нефинитными (т. е. сказуемым зависимой части); становясь главным сказуемым, подобная форма выражает какое-либо эвиденциальное значение: *Min toḡi joḡatmemən, wolaṅšək joḡ jo ḡə t-m-e l, al aḡəm kitəm joḡ itn katən welši joḡtiliti pitsət* (Steinitz 1975 : 55) 'Когда мы двое туда пришли, более важные люди уже пришли, о ка з ы в а е т с я, остальные по одному — по двое только стали подходить'; *Joḡ, min joḡatmemən, ḡuw wanən oḡ j a r-m-e l. Aj ḡul ši kem ar oḡn jarəm — nuwlal i l m e n l a-m-e l* (Steinitz 1975 : 56) 'Люди, когда мы двое пришли, давно ли — недавно ли деньги, уже при-в я з а л и, о к а з ы в а е т с я. Маленькая елочка до того деньгами была навешана, что ветки ее в н и з с о г н у л и с ь, о к а з ы в а е т с я'; *Xalewta jis. Aləṅ saḡat noḡ kilmewn, naj tup wurtel e t-m-a l* (Steinitz 1975 : 61) 'Наступило утро следующего дня. Когда утром встали, край солнца только п о к а з а л с я, о к а з ы в а е т с я'; *Kašəṅ ḡu tajmal kemən l u m ə t l' ə-m-a l; at tajəm kem ḡujem jelta šos keša l u m ə t-m-a l* (Steinitz 1975 : 61) 'Каждый в то, что получше, о д е л с я, о к а з ы в а е т с я; кто не имел, взятое на время у кого-нибудь о д е л, о к а з ы в а е т с я'; *Poslaṅ joḡ jaṅ ḡujn, ḡol'maṅ ḡujn i ḡopa l e t-m-e l* (Steinitz 1975 : 64—65) 'Люди по десять, по тридцать человек в одну лодку с е л и, о к а з ы в а е т с я'.

Анализируя материал хантыйского языка, мы обратили особое внимание на предложения, в которых, при наличии глагольных форм эвиденциалиса (см. Каксин 2011 : 33—35), выражается значение предположения (часто сделанного от лица другого человека): *Liw ätmönti wera ši p ä t-t-e t* 'Они словно бы сильно б о я т с я'; *Łuptaḷ, ma nūr šiw ju ḡ t i j t-m-ε m pa körl š ŷ k a t-m-ε m!* 'Говорит: я как будто т у д а п р и е з ж а л и печь ее с л о м а л!'.

В хантыйском языке появление грамматических форм эвиденциалиса обусловлено тем, что инфинитные формы глагола могут функционировать и в качестве финитных. Так, в роли финитного сказуемого способны выступать оба хантыйских причастия (с показателями *-m* и *-t*), а также деепричастие на *-man*: *Liw körtahn atett ḡās-m-aḷ* 'Он на

стойбище один остался, оказывается'; *Wana juχatsūw: owl, mätte, tumanan rin-man* 'Подшли ближе: дверь, оказывается, на замок закрыта'.

Эвиденциальность как категория, близкая к модальности, но все же имеющая свою специфическую семантику, грамматикализуется во многих языках, и ее морфологические формы традиционно тоже называются наклонениями. В русском языке эвиденциальность не грамматикализована, поэтому в переводах на русский появляются лексические средства, которые вербализуют смысловые оттенки, в других языках (в том числе в хантыйском) заключенные в самой морфологической форме: *Jajum-iki ma kińsēma mūŋ mirew jāta wō-t-at* 'Брат мой лучше меня людей наших знает, оказывается'; *Liw isi tāta noptał-ti pit-t-eł* 'Они тоже здесь плавать будут, оказывается'; *Пырысь Микай Ойка хут ветныс эвыт тапыт парым ювпины ёхи ёхыт-м-ат. Веншл ий мормынга ёв-м-ат* (Лазарев 1999 : 22—23) 'Старый Микай Ойка после недели рыбного промысла домой вернулся, оказывается. Лицо его совсем сморщилось, оказывается'.

Как видим, в хантыйском языке три формы неочевидного наклонения параллельны трем ядерным формам индикатива, к временно-му значению которых добавляется одно из значений эвиденциальности. В общей системе хантыского глагола эти «неочевидные» формы (по другой терминологии, миративные) противопоставляются прежде всего формам индикатива.

3. Лексемы — междометия, частицы, слова других частей речи (в том числе вводные): *Tām jisn χānti ŋawremat rōt jasŋeł, m ā t t e, ānt wōteł* 'В настоящее время дети-ханты родной язык, о к а з ы в а е т с я, не знают'; *Jis purajŋ, j a n a p a, mir šiti wōłmeł, n e š* 'В старину, д е й с т в и т е л ь н о, люди так жили, о к а з ы в а е т с я'; *T ō, tāmaš sorni χātlje š i tiwmat!* 'В о т, такой замечательный день в о т выдался, о к а з ы в а е т с я !'

В этом разряде особую роль играют частицы, выражающие удивление (при неожиданном обнаружении чего-либо), субъективную передачу чужой речи (также с оттенком удивления, изумления): *nēš* 'оказывается', *māl* 'же, ведь' и др. Примеры: *nāŋ nēš* 'ты, оказывается', *jinke nēš* 'влажный, оказывается', *ān χotlan nēš* 'не умеешь, оказывается', *mōšiten nēš* 'болееешь, оказывается'; *liw māl šiwelt š i šōšilas!* 'он ведь в ту сторону и ходил!'

Совершенно очевидно, что лексические средства выражения эвиденциальности в хантыйском языке составляют особый класс слов и должны рассматриваться в первую очередь и отдельно именно как лексемы: это единицы словаря, хотя и разные по статусу и частоте употребления. Одни включаются в состав аналитических форм или входят в круг служебных слов (*pa* 'ведь; же', *ki* 'бы' и др.), другие вводятся в предложение «в своем полном» значении (*nēš* 'оказывается', *mātтэ* 'оказывается; якобы' и др.).

4. Конструкции с модальными словами типа *wer* 'дело', *šom* 'возможность, сила', *piš* 'возможность'. В хантыйском языке они более специфичны (по сравнению с другими языками), чем предложения с обычными модальными и вводно-модальными словами. Наиболее употребительны следующие именные слова: *kaš* 'желание, охота', *wūr* 'стремление, внимание', *šom* 'сила, физическая возможность', *kōs* 'выносливость, способность', *piš* 'возможность, способность', *šir* 'манера, способность', *ket*

'возможность', *kõm* 'ограниченная возможность', *wer* 'умение, желание, стремление, способность; необходимость'.

Предназначены подобные лексико-синтаксические конструкции в основном для выражения различных оттенков возможности, необходимости, долженствования (т. е. оттенков модальности), но при определенных условиях в соответствующем контексте могут выражать значения эвиденциальности: *Keši pa joša wǔj'lati pi ś t ā n t õ!* 'Нож даже в руки взять в о з м о ж н о с т и, в и д и м о, н е и м е е т!'; *Kõrtal ewalt ǰǰwašak jāŋχti ś o m p a ā n t t ā j t a!* 'От деревеньки своей далеко отойти с и л д а ж е, с к о р е е в с е г о, н е и м е е т!'; *Nāŋ, k ā š n a r a ŋ a l, ś i p o r i χ o t a m ā n t i w e r e n w õ!* 'Ты, о к а з ы в а е т с я, н а э т у с в а д ь б у и д т и н а м е р е н!'

Структуру разбираемых конструкций составляют инфинитив смыслового глагола (с зависимыми словами и детерминантами), абстрактное именное слово и конечное сказуемое. Хотя именное слово является вполне абстрактным, все же оно сохраняет известную степень лексического значения, функционируя в то же время в сфере «имя существительное как часть речи, обозначающая предмет (в широком смысле слова)». В качестве стабильного компонента выступает инфинитив основного смыслового глагола (форма на *-ti*), который может иметь при себе зависимые слова.

Относительно переменным является компонент, который в конструкции является главным сказуемым. В качестве последнего могут выступать отрицание *āntõ* 'нет', формы бытийного глагола: *wõi* 'есть', *wõs* 'было', *āntõm wõs* 'не было'. Отрицательные формы более употребительны в речи, нежели положительные.

К именному слову с относительно абстрактным значением присоединяются обычно лично-притяжательные аффиксы, выражающие лицо-число субъекта действия. В определенных случаях (при обобщении) этот суффикс отсутствует.

В речи и тексте все указанные средства способны взаимодействовать, сочетаться. Комбинированные средства выражения эвиденциальности превалируют в разговорной речи и художественных (либо разговорных, но литературно обработанных) текстах, и именно в них в наибольшей степени проявляется эвиденциальность хантыйского языка во всем объеме своих средств и значений.

В других языках похожие конструкции предпочтительнее строить с помощью модальных существительных, и мы покажем это на примере хантыйского языка. Вот несколько хантыйских загадок, в которых встретились модальные существительные (сохраняется орфография оригинала, само существительное выделяется в разрядку курсивом и переводится на русский язык также именем существительным):

Pa muw elti tuwum ut uχl u š p a kurl u š antom (pušaχ) 'Из далеких стран привезенное нечто — нет в о з м о ж н о с т и [распознать] голову, нет в о з м о ж н о с т и [распознать] ножку (яйцо)' (Немысова 1990 : 1); *Śi wer ki, śi pul ki antom wos, muw sot mir, muw śurs mir wolti ś i r e l antom wos (pant pos juχat)* 'Если бы не было такого дела, такой вещи, то сотне людей, тысяче людей жить в о з м о ж н о с т и бы не было (вехи)' (Немысова 1990 : 2); *Aren kińsi ar suχumn lap talum. Top śi suχmat poχla poχalti ś i r antom (ńimsar imi pilt)* 'Дерево обвито

множеством нитей. Только эти нити нет возможности наматывать в клубок (паутина)' (Немысова 1990 : 6).

Таким образом, в сфере эвиденциальности для хантыйского языка наиболее характерно совместное выражение очевидности/неочевидности и достоверности/недостоверности. Другими словами, из всех типов эвиденциальных значений, выделенных в упомянутом сборнике, предметом нашего рассмотрения чаще всего являются два типа: оценка обозначаемой в высказывании ситуации с точки зрения ее очевидности или неочевидности и оценка говорящим степени его уверенности в достоверности сообщения. На наш взгляд, это происходит потому, что для хантыйского языка именно эти два ракурса любой ситуации наиболее релевантны. Анализ материала хантыйского языка отчетливо показывает, что определяющую роль для отнесения примеров к сфере эвиденциальности играет наличие сказуемого в форме эвиденциалиса. Подобные формы характерны для всех сибирских уральских языков (Сорокина 1980; Черемисина 1992 : 83—84; Плунгян 2000 : 323—325; Кюннап 2002; Кузнецова 2003 : 261—262; Цыпанов 2008 : 51; Каксин 2011 : 36—39).

Морфологические средства выражения эвиденциальности в хантыйском языке — это синтетические формы категории наклонения-времени (формы индикатива и неочевидного наклонения). Другими словами, эвиденциальные значения в хантыйском языке выражаются и формами индикатива (с привлечением лексических средств), и формами неочевидного наклонения. В первом случае определяющую роль играют глагольное окружение и контекст, во втором — семантика глагольной основы.

Аналитические средства выражения эвиденциальности в хантыйском языке — это эвиденциальные формы косвенных наклонений. Формы неочевидного наклонения — это причастные формы в предикативном употреблении. Аналогичные формы есть в близкородственном мансийском языке: «противопоставлением времен здесь выражается дополнительно способ получения информации: прошедшее время обозначает, что говорящий излагает итог логического умозаключения (inference), непрошедшее время такой информации не несет» (Скрибник 1998 : 212).

Вообще, эвиденциальность в хантыйском языке представляет собой особую категорию, выражаемую собственными специфическими средствами. Наряду с другими случаями внутри данного типа семантических отношений специально обозначается следующая ситуация: у говорящего нет достоверных знаний о положении дел, и он может лишь допустить наличие связи между субъектом и признаком (суждение о действии по результату, по следу) или сделать умозаключение о необходимости этой связи (суждение исходя из логики).

Итак, в хантыйском языке имеются разные средства выражения эвиденциальности, они используются с разной степенью интенсивности, что связано с их функциональной спецификой, своеобразием их эвиденциальной семантики.

Все названные группы модальных средств хантыйского языка образуют систему, но не по принципу поля: нет ядра и периферии, а все группы равны по степени значимости и употребительности, потому что приспособлены для выражения различных эвиденциальных

значений. В свою очередь, существование именно такой равновесной системы выражения эвиденциальности (и с таким набором средств, часть которых специфичны, хотя бы в своем употреблении), создает и специфику в целом эвиденциальной системы хантыйского языка.

Address

A. D. Kaksin
Khakassian State University (Abakan)
E-mail: kaksin.andrey@yandex.ru adkaksin@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

- Каксин А. Д. 1996, Способы выражения достоверности в казымском диалекте хантыйского языка. — LU XXXII, 278—282.
- 2010, Наклонения в хантыйском языке (модальные и эпистемологические). — Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars II. Summaria acroasium in sectionibus, Piliscsaba, 162—163.
- 2011, Средства выражения модальности и эвиденциальности в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Саранск.
- Кузнецова А. И. 2003, Неочевидность как шкала переходности: время или наклонение? — *Ünnepi kötet Honti László tiszteletére*, Budapest, 259—267.
- Кюннап А. 2002, Симпозиум, посвященный проблемам эвиденциальности. — LU XXXVIII, 154—155.
- Лазарев Г. Д. 1999, Сорненг тов, Ханты-Мансийск.
- Немысова Е. А. 1990, Методические рекомендации по использованию хантыйских загадок, Ханты-Мансийск.
- Плунгян В. А. 2000, Общая морфология. Введение в проблематику. Учебное пособие, Москва.
- Скрибник Е. К. 1998, К вопросу о неочевидном наклонении в мансийском языке (структура и семантика). — Языки коренных народов Сибири, Новосибирск (Сборник научных трудов. Вып. 4), 197—215.
- Скрибник Е. К., Ознова А. А. 2007, Средства выражения засвидетельствованности и митаривности в алтайском языке. — Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой, Санкт-Петербург, 519—551.
- Сорокина И. П. 1980, Энецкий перфект. — СФУ XVI, 212—215.
- Цыпанов Е. А. 2008, Сравнительный обзор финно-угорских языков, Сыктывкар.
- Черемисина М. И. 1992, Языки коренных народов Сибири. Учебное пособие, Новосибирск.
- Erelt, M. 2002, Does Estonian Have the Jussive? — LU XXXVIII, 110—117.
- Metslang, H., Pajusalu, K. 2002, Evidentiality in South Estonian. — LU XXXVIII, 98—109.
- Steinitz, W. 1975, Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten, Budapest (Ostjakologische Arbeiten. Band I).